

ЭЛИТЫ, МАССОВЫЕ ГРУППЫ И ПРЕДЕЛЫ ПОЛИТИКИ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Дж. Хигли

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА • 1/2010

Попытки сформулировать теорию политики основываются на двух базовых подходах: в соответствии с первым подходом политика отражает существование и развивается благодаря крупным социальным силам; в соответствии со вторым — политика по своей сути не зависит от этих социальных сил. В рамках первого подхода, иногда определяемого как социология политики, принято считать, что первостепенной важностью с точки зрения причинных и каузальных связей обладают интересы социальных акторов и соотношение всех акторов относительно друг друга. Второй подход, традиционно лежащий в основе политической науки, предполагает, что те, кто обладает политическим влиянием, должны быть объектом отдельного анализа и теоретического осмысления, поскольку они пользуются свободой выбора и действий, которая обычно достаточно широка.

Противоречие между этими основополагающими подходами является извечной бедой теоретических построений в сфере политического. В рамках первого подхода акцент в теоретических исследованиях делается на социальной дифференциации в соответствии с марксистской традицией; в рамках второго — на политической иерархии в традиции Моска и Парето. Первый подход связан преимущественно с политическим поведением масс или не-элитных социальных групп, второй — политических элит и лидеров. Это противоречие, безусловно, не осталось незамеченным. Классические попытки на уровне общей теории политики примирить оба подхода трудно переоценить, поскольку они были гораздо упорнее и более последовательными, нежели

ли остальные попытки. Но полвека назад известный французский социолог Раймонд Арон (1950) выражал беспокойство по поводу продолжавшей существовать проблемы того, каким образом добиться сочетания «классовой» социологии и «социологии элит», объединения марксистских идей с идеями Парето. Озабоченность Арона оправданна и сегодня.

Эфемерный характер сформированной единой основы для объяснения и анализа политики усугубляется существованием метатеоретических, эвристических и методологических «белых пятен». При создании теорий, посвященных разработке теорий, представители социальных наук, по-видимому, были убеждены, что политическое объяснение должно иметь детерминистский характер, какой имела теория в физике в ньютоновский период, и что физики впоследствии отвергли. Сложность состоит в том, является ли случайностью, в строгом смысле слова, то, что политические элиты осуществляют изменения, противоречащие «расстановке сил» среди не-элиты. Дело не только в том, что поведение элит понимается с трудом; всегда существуют в достаточном количестве такие составляющие, как произвольность, непостоянство или просто отсутствие очевидного объяснения, позволяющего игнорировать детерминистские объяснения. Таким образом, в рамках того исторического периода, когда западные общества демонстрировали схожие не-элитные конфигурации в ходе своего социально-экономического развития, такие закономерности в поведении их элит выделить не удается. В рамках любой общей теории, которая признает это

разделение на элиты и не-элиты, должен быть предусмотрен значительный лаг для политических случайностей и непредсказуемого политического выбора, так что ее экспликативные претензии должны быть достаточно скромными. Но в современной социальной науке такая скромность остается в дефиците.

Проблема, заключающаяся в том, что причины некоторых составляющих поведения элит имеют сугубо случайный характер, по своей сути, однако, является интеллектуальной, и неспособность решить ее служит не только результатом нескромности социальной науки. Проблема требует концептуализации динамических отношений между элитами и не-элитами, в рамках которых при некоторых условиях, которые могут быть установлены и точно определены, элиты по своей значимости перевешивают не-элиты, но при других условиях не-элиты доминируют над элитами. Когда элиты превалируют, в задачи теории входит определение *внешних границ* возможного поведения элит и, таким образом, политических результатов. Когда преобладают не-элиты, политические итоги могут быть предсказаны с большей определенностью. Анализ сменяющего друг друга доминирования элит и не-элит является, таким образом, важной теоретической задачей.

Если одним белым пятном является метатеоретический отказ признать, что общая теория политики в обязательном порядке ограничена в своих экспликативных и прогнозных возможностях, то другим — эвристический контекст создания такой теории. Изложенная в этой работе теория предполагает, что существует политическая природа вещей, которая не поддается, а тем более легко, человеческим желаниям. С эвристической точки зрения просто и тривиально предположить, что текущая политика является результатом или отражает существующие желания широких масс населения или даже ряда элит. Политика является результатом многочисленных исторических «остаточных явлений», случайных событий,

географических факторов, отношений с внешними акторами и т.д., что значительно ограничивает возможности для изменений. По-прежнему более просто и тривиально поддержать предположение, носящее имплицитный или эксплицитный характер в обсуждении, в значительной мере эйфорическом и утопическом, социальных изменений, средств изменений и новых ценностей, что желания широких масс населения или элит могли бы быстро и заметно измениться в результате применения аргументированных методов убеждения, и политика в этом случае также изменилась бы.

В рамках общей теории политики необходимо обратить внимание на то, каким образом общества начинают понимать политическую природу вещей. Следует предположить, что возможности для изменений всегда склонны быть весьма ограниченными. Но предположить такие ограничения теоретически ни в коей мере не означает смириться или удовлетвориться ими. Признание теоретиком того, что элиты безусловно играют важную, но в высшей мере непредсказуемую роль в политических вопросах, ничего не говорит о его взглядах. Теоретик может, к примеру, быть сторонником демократических практик, по крайней мере, в тех сферах, где потребность в проверке очень невелика, но он не обязан при этом верить, что демократический идеал равенства в народном самоуправлении в большинстве случаев хотя бы отдаленно достижим. Или, опять-таки, теоретик может широко поддерживать демократическую политическую систему, являющуюся практическим воплощением идеалов демократии и реализуемую политиками, участвующими в соревновательных выборах и обращающимися за поддержкой к массовому электорату, как это происходит в настоящее время во всех западных странах, но он не обязан верить в то, что демократию можно легко установить в большинстве незападных стран, где она не существует.

Несмотря на то что различие между личными предпочтениями теоретиков и

их теоретическими оценками политических возможностей кажется очевидным, очень часто это не находит отражения в политическом анализе. Значительная доля аналитических работ является эвристически и догматически «демократической» в том отношении, что эти работы выражают только суждения о политике и политических институтах, которые сравнимы с предполагаемым моральным предписанием сделать людей свободнее, более равными, более просвещенными и стремящимися к большему участию в политической жизни. Эта склонность является характерной чертой «Духа времени», порожденного, по крайней мере, в основном, теми действиями нацистского и других фашистских режимов, в результате которых авторитарические и олигархические тенденции обрели чрезвычайно дурную славу. Со времен признания ужасов нацизма политические аналитики, как и большинство людей, стремятся в максимальной степени дистанцироваться от них. Однако теория, в общих чертах изложенная в этой работе, наоборот, имеет несколько с нормативной точки зрения неприятных выводов, которым будут даны объяснения.

Чрезвычайный методологический интерес к эмпиризму представляет собой третье белое пятно в усилиях, направленных на теоретическое осмысление политики. Очередные исследования общественного мнения, эксперименты в области поведения, измерения, таблицы данных, математические уравнения и т.п. позволят нам приблизиться к пониманию того, что является возможным в политике, не больше, чем такой эмпиризм способствовал первоначальному развитию биологии и физики. Прогресс в развитии современной науки, так же как и античной философии, зависит от творческих и рациональных интеллектуальных усилий ее наиболее выдающихся представителей. Безусловно, нельзя спорить с тем фактом, что точные эмпирические наблюдения вносят значительный вклад в утверждение, разработку и правку научных теорий.

Но вопреки ожиданиям Френсиса Бэкона в XVII столетии факты никогда не говорят сами за себя. Не существует надежного индуктивного метода, который мог бы обойтись без необходимости в творческом и теоретическом обосновании. Дэвид Хьюм убедительно продемонстрировал в начале XVIII столетия, что такого метода не существует.

Таким образом, теория, представленная в этой работе, является дедуктивной и рационалистической; ее цель, если уж говорить совсем просто, — «чтобы она была разумной» (теорией). Эта теория раскрывает соответствующие роли, которые играют в политике элиты, т.е. очень небольшие группы людей, обладающих несравнимым влиянием, и не-элиты, т.е. большие массы населения и рабочей силы. Теория основана и распространяется на все типы обществ, хотя акцент сделан на западные общества в современный исторический период. Теория, безусловно, должна быть проверена на современной ей реальности. Происходят ли события именно таким образом, каким они должны были бы происходить, если бы теория была верной? Способна ли она дать лучшие объяснения политики, чем другие теории? Если это так, то существуют ли тем не менее очевидные и несомненные факты, свидетельствующие о том, что теория, ко крайней мере частично, ошибочна? Таковы законные вопросы, на которые читатель в конечном итоге должен найти ответ. Однако вопрос «Можете ли Вы эмпирическим путем доказать каждое из положений теории?» не является оправданным. Ни одна серьезная экспликативная общая теория, даже в самых экспериментальных и по общему мнению научных сферах исследований, никогда не выдержит такой проверки. Внутренняя структура атома, изучаемого физиками, не поддается наблюдению. Вещи, которые можно наблюдать, происходят так, как они должны были бы произойти, если бы положения теории были верны, и не существует лучшего или более простого и доступного

объяснения. Никакие другие вопросы не могут быть заданы применительно к теории политики.

Элиты

Предположение, что элиты являются неотъемлемой чертой любого общества, в большинстве случаев основано на том, и это очевидно для окружающих, что в любом обществе есть исключительно одаренные люди, независимо от того, служат ли проявлением их одаренности выдающиеся интеллектуальные способности или присущие человеку активность и энергичность, творческий талант или личный магнетизм. Можно предположить, что до тех пор, пока существует подобное «неравенство», до тех пор будут существовать и элиты. Таково было представление, распространенное в античном мире и донесенное до нас прежде всего Аристотелем. Оно подвергалось и подвергается резкой критике со стороны многих демократов и социальных радикалов, которые стремятся доказать, что отдельные элиты представляют собой не группы в высшей мере даровитых и талантливых людей, но всего лишь людей, которые добились социальных преимуществ в борьбе за власть. Странники этой точки зрения утверждают, что элиты могут быть уничтожены либо путем ликвидации социальных преимуществ, которыми обладают некоторые люди, либо путем уничтожения центров сосредоточения власти, которые порождают борьбу за нее — способы, которые часто идут рука об руку. Однако не существует исторических примеров, подтверждающих, что применение таких методов среди больших групп населения на протяжении длительного периода времени оказалось бы успешным.

Личный талант и социальные преимущества, безусловно, необходимо учитывать при изучении процессов рекрутирования и состава элиты. Но если предположить, что одна или обе составляющие (в строящемся на принципах абсолютной справедливости обществе всеоб-

щего изобилия) не играют никакой роли, то окажется, что это не отражается на существовании элиты. Это объясняется тем, что причины существования элит кроются в гораздо более фундаментальном и универсальном явлении человеческой жизни, в частности в отсутствии в большом сообществе некоего общего интереса, который распространялся бы и на мельчайшие черты организации и политики. Если верно, что большинство сообществ основываются на взаимопонимании относительно социальных и культурных вопросов, то это взаимопонимание всегда имеет неоднозначный и грубый характер. Удовлетворение своих желаний и потребностей, к которому стремятся некоторые члены сообщества, только частично совпадает с стремлениями других членов. В целом люди постоянно стремятся добиться высокого положения и иных составляющих, имеющих безусловную ценность в обществе, где они живут, для себя, а также для своих родственников, друзей и союзников, однако другие члены общества не считают их в полной мере легитимными. Согласие с этими притязаниями часто вытекает из предположения, что было бы неразумно не согласиться с ними, т.к. на самом деле речь идет о признании того, что люди, выдвигающие эти требования, имеют некоторое, оправданное с культурной и социальной точек зрения, право поступать таким образом. Общий интерес минимален, особенно в рамках чрезвычайно широкой социальной сферы, и всегда должен дополняться решениями авторитетных и влиятельных людей, которые не решаются или считают неблагоприятным оспаривать их оппоненты и сторонники других точек зрения.

Общий интерес носит еще более ограниченный характер применительно к мельчайшим чертам организационного функционирования. Работа любой достаточно сложной и крупной по размерам организации включает в себя ежедневное распределение и перераспределение задач

и, таким образом, организационных статусов. Просто для того, чтобы такие организации смогли выжить, необходимо постоянно принимать «разумные» и «объективные» решения, которые выходят за рамки личных интересов. Однако среди всех членов организации редко удается достичь согласия относительно правильности принимаемых решений. Частично это объясняется тем, что только несколько человек занимают положение, которое позволяет им составить достаточно полное впечатление о соответствии организационных усилий и положения организации на текущий момент во времени и пространстве ее целям. Тем не менее это впечатление обычно необходимо для того, чтобы иметь твердое мнение о том, какие решения необходимо принять. Не менее важно, что необходимость постоянно участвовать в процессе принятия решений отнимает у огромного числа членов организации время, которое им потребовалось бы, чтобы понять, каким образом интересы организации соотносятся с ее текущими проблемами и потребностями. Даже незначительное по своей важности решение меняет то влияние, которое окажет следующее принятое решение, так что детали организационной структуры и ее потребностей ежедневно меняются. Но любой зарождающийся консенсус среди членов организации неизбежно касается вчерашних структуры и потребностей.

Отсутствие всеобщего интереса или понимания, которые распространяются на мельчайшие черты организации и политики, означает, что структуры и процессы больших и сложных организаций по своей сути являются случайными. Они создаются и изменяются под воздействием решений, принимаемых теми, кто оказался в стратегически важном месте организации в тот или иной момент времени. Но правильность или ошибочность принимаемых этими людьми решений ни при каких условиях невозможно убедительно доказать тем, на кого эти решения влияют. Как и все люди, лица, принима-

ющие стратегические решения в организациях, иногда действуют эгоистично и непостоянны в своих действиях, а иногда исходя из альтруистических побуждений. Все, что можно сказать с уверенностью, — это то, что принимаемые решения, по мнению остальных членов организации, в своей основе являются случайными и произвольными. Природа вещей такова, что не существует иного пути принятия решения и, следовательно, обеспечения эффективной работы организации, кроме того, когда некий один или несколько человек решают, что должно быть сделано.

Признание изложенных принципов работы организации определяет значимость и важность элит в политической и социальной теории. Работа организаций любой сложности и любых размеров всегда означает случайное принятие решений лицами, которые занимают стратегически важное положение в организации. Если мы назовем этих людей элитами, то мы можем сказать, что существование сложных и крупных организаций неизбежно ведет к формированию элит. Только в этом смысле элиты являются неотъемлемой чертой более крупных коллективов и обществ; все остальные философские обоснования теории элит менее убедительны и более дискуссионны. Признание этого, однако, не является всего лишь рефреном утверждения Роберта Мишеля «Что бы ни говорила организация, говорит олигархия». Поскольку олигархия, аристократия и др. эвфемизмы, используемые для определения элит, подразумевают или приписывают им специфические структурные и поведенческие черты. Получить ответ на вопрос, являются ли элиты едиными, заговорщическими, обладающими определенным самосознанием и т.д., возможно только с помощью эмпирических исследований. Поскольку элиты представляют собой неизбежное следствие существования любой организации, их непосредственные черты меняются в зависимости от политических и социальных обстоятельств.

Элиты можно определить как *личности и небольшие группы людей, которые, благодаря преимуществу своего стратегического положения, занимаемого ими в крупных организациях или организациях, могущих считаться ведущими на основании каких-либо иных признаков, способны оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты*. Иными словами, элиты — это лица, занимающие влиятельные политические позиции, а также лица, у которых есть *организационная возможность* создать серьезные политические проблемы, если их быстро не остановить. В этом смысле элиты состоят не только из «утвердившихся» лидеров, занимающих престижные позиции: ведущих политиков, влиятельных бизнесменов, занимающих высокие должности государственного руководства, — но также, в различной степени в том или ином обществе, из достаточно временных и менее лично известных лидеров и руководителей массовых организаций, в частности профсоюзов, церквей и других важных добровольных ассоциаций и массовых движений. Таким образом, в рамках такого определения элит они включают в себя тех, кого принято называть «контр-элитами», поскольку они безусловно обладают организационной возможностью, хотя, может быть, в основном, путем несогласия и отрицания, оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты.

В связи с изложенным выше необходимо внести три терминологических пояснения. Во-первых, необходимо последовательно различать «элиты» и «не-элиты», хотя это чрезмерно упрощает и искажает истинную политическую стратификацию обществ. Право на эту неосторожность основывается на экспликативных и предикативных достоинствах теории, основанной на различии. Во-вторых, термин «элита» в дальнейшем будет часто использоваться во множественном числе — «элиты», — поскольку в организованных обществах всегда существуют

значимые различия между разнообразными группами тех, кто формируют элиту. В-третьих, для стилистического разнообразия будут использоваться такие термины как «лидеры», «лица, обладающие властью», «лица, обладающие влиянием», но они всегда будут означать элиты в том смысле, как они были определены выше.

Элиты и политическая стабильность

Наличие или отсутствие стабильных политических институтов — одно из основных отличий политических систем друг от друга, которое можно объяснить, основываясь на различиях в поведении элит. Эффективная институционализация политической власти, как это на протяжении многих лет существует в Великобритании, Соединенных Штатах, Швеции и в некоторых других западных странах, является нетипичным явлением. Для стабильных политических институтов *не характерны* периодические попытки захватить государственную власть, в частности, исполнительную, или очевидное влияние со стороны военных на отправление политики с помощью угрозы военного вмешательства. Начиная с 1789 г. каждые четыре года президент Соединенных Штатов занимает свой пост по итогам выборов и более или менее эффективно выполняет свои обязанности в качестве главы американской политической системы до истечения срока своих полномочий, если только не умрет до окончания своего президентского срока. В Британии на протяжении еще более длительного периода времени премьер-министры и кабинеты министров регулярно сменяют друг друга в качестве главного органа политической власти в соответствии с принципами и правилами, которые, несмотря на свой неформальный характер, хорошо известны.

Личностная манипуляция политическими институтами путем индивидуального и прямого контроля со стороны военных и полицейских сил всегда бы-

ла и остается гораздо более распространенным явлением. Обычно существует некая элитная группа, которая осуществляет эффективное военное руководство организованными силами, способными к осуществлению насилия, и стремится к принятию политических решений, независимо от того, что предписывают существующие институты. С аналитической точки зрения, находятся ли в центре этой группы традиционный монарх (противопоставляемый понятию «конституционный монарх»), группа гражданских лиц, тесно связанная с армейским руководством, или это откровенная военная хунта, имеет незначительные последствия. С аналитической точки зрения важно то, что элиты, независимо от того, каковы личные склонности их представителей, считают власть персонализированной и непосредственно зависящей от поддержки со стороны организованных сил, способных к осуществлению насилия. Элиты, по той или иной причине выступающие против существующей социальной организации, в обязательном порядке рассматривают политические изменения с точки зрения возможности смещения или ослабления группы, которая в настоящее время, и эффективно, контролирует такие силы. С их точки зрения и с точки зрения их противников, источником власти является не пребывание в официальной должности, но успех некоей конкретной группы в получении, по крайней мере, временного контроля над основными средствами принуждения. Представители элиты и элитные группы, опасаясь попыток захватить власть со стороны других представителей элитных групп, неизбежно относятся друг к другу с недоверием и готовы «отвечать на огонь огнем». Попытки захватить власть с помощью силы считаются всеми правдоподобным, даже вероятным, исходом событий.

Такова основная черта *расколотой элиты*. Вследствие этого для политического анализа особый интерес представляют относительно немногие общества,

в которых политическая нестабильность не является нормой, поскольку, как было отмечено, очень немногие общества продемонстрировали паттерны институционализированной власти и процедур, которые уважаются и которые стремятся сохранить на протяжении долгих периодов времени. В этих обществах неизвестны примеры неожиданной узурпации государственной власти с помощью силы, и квалифицированные наблюдатели считают такие попытки практически невозможными. Такие девиантные случаи возможно объяснить *только* с точки зрения поведения элит. Если говорить точнее, нормальная с исторической точки зрения ситуация политической нестабильности в обществах перестает существовать, только когда формируется *единая элита*.

Необходимо сформулировать общее представление о политике, которое легло бы в основу этого ключевого утверждения. Соглашение или консенсус относительно основных политических решений, которые непосредственно влияют на распределение чего-то, что имеет ценность в обществе, никогда не находят широкой поддержки среди не-элитных групп населения. Такие вопросы, когда происходит их осознание в полной мере, ведут к началу гражданского конфликта. С точки зрения политической стабильности проблема политики всегда заключается в том, каким образом действовать законно, чтобы те, кто активно борется за получение нечего, имеющего безусловную ценность в обществе, не были бы вовлечены в открытое проявление враждебности, а те, кто остается пассивным, не были мобилизованы таким образом, чтобы они заняли враждебную позицию. Политическая стабильность никогда не является результатом добровольной, мирной, совместной деятельности всех социальных акторов на основе владения достаточной информацией. Она всегда является искусственным следствием разумных и практичных решений, принимаемых в высшей мере влиятельными людьми — элитами. По своей

сути эта разумность сводится к тому, чтобы подавлять, искажать или иным образом манипулировать темами и вопросами, которые, если они будут открыто и широко высказаны или реализованы, приведут к возникновению разрушительных конфликтов. Практичность в принятии решений, которые оказывают влияние на большие социальные категории населения, требует от элит доверять друг другу, чтобы не разоблачить хитрости и уловки, к которым они прибегают; а также подразумевает почти заговорщическое поведение бесчисленных групп людей, обладающих влиянием, и лиц, способных принимать эффективные решения. Такое согласованное поведение влечет за собой заключение базового соглашения между всеми или большинством этих групп и людей относительно желательности существования политически стабильной системы и целей, к которым она, по-видимому, движется. Говоря кратко, это ведет к появлению единой элиты.

Однако существует два отчетливо отличных друг от друга типа единой элиты и соответственно две совершенно разные формы политической стабильности. Первый тип — *идеологически единая элита*, т.е. элита, все или практически все представители которой разделяют общую, ясно сформулированную идеологическую платформу. Члены элиты избегают публичных конфликтов между собой и демонстрируют едва ли не единодушие по поводу проводимой политики и своих политических убеждений. Лица, стоящие на самом вершине властной иерархии, так же как и те, кто стремится туда попасть, старательно создают образ единой и однородной элитной группы. Однако, принимая во внимание непримиримые конфликты интересов, которые существуют в каждом обществе, это единодушие, безусловно, является скорее кажущимся, нежели истинным. В некоторой степени оно обусловлено решимостью лидеров, разделяющих определенные убеждения, не допустить вмешательства ненадежных

чужаков в процесс принятия политических решений и разработку и реализацию политического курса. Но даже для инсайдеров идеологическое единообразие в некоторой мере является принудительным. За высказываемым публично едва ли не единодушием по текущим политическим вопросам и политическим целям, за выражением приверженности общим убеждениям скрывается аппарат принуждения, способный добиться от всех или почти всех представителей элиты и тех, кто стремится войти в этот узкий круг, того, чтобы их публичные высказывания соответствовали утвердившимся и общепринятым на данный момент политическим взглядам. Определение того, что можно считать общепринятым, является задачей небольшого числа лиц, занимающих ключевые позиции в политической элите, и приверженность этому ортодоксальному подходу препятствует выражению различных интересов.

Содержание идеологии, которой придерживаются все элиты, представляет незначительный интерес с аналитической точки зрения. Она, вероятно, должна быть достаточно расплывчатой и мало соотноситься с текущими условиями, чтобы оставаться гибкой, что позволит через ее призму найти объяснение постоянно меняющейся реальности. Она, по всей вероятности, должна быть обращена к некоторому будущему, воображаемому состоянию общества, к которому оно предположительно движется. Иными словами, она должна быть в значительной мере утопической. Но с аналитической точки зрения описывает ли идеология будущее общество, в котором не будет существовать разделения на социальные классы, или общество, в котором каждый может получить вечное спасение или похвалу своему поведению от пастыря, не имеет практически никакого значения для поддержания насильственного единства среди элит? Поскольку единственно допустимая публичная позиция, в рамках которой есть стремления предпринять ка-

кие-то попытки изменить ситуацию, уже определена и монополизирована власть-предержащими, степень централизации политических институтов может достичь небывалой величины. Индивидов, которые стремятся подорвать эти институты, можно легко опознать, и у них в распоряжении есть очень небольшой набор средств, с помощью которых они могли бы постараться добиться общественной поддержки. Практика свидетельствует, что, будучи однажды сформированными, институты, управляемые идеологически единой элитой, остаются стабильными на протяжении долгих периодов времени.

Другой тип единой политической элиты, *элита, единая на основе консенсуса*, не предполагает, что все представители элиты публицически придерживаются одинаковых политических позиций. Не существует единой, жестко сформулированной идеологии, которой всем необходимо придерживаться. Более того, представители элиты стоят на совершенно отличных друг от друга позициях по общественно значимым вопросам. Они нередко являются сторонниками прямо противоположных друг другу идеологий, примером чему может служить длительный конфликт между консерваторами и либералами в британской и шведской политических элитах в XIX веке и последующий конфликт между либералами и социалистами в тех же странах в первой половине XX века. Ключевой чертой этих конфликтов является то, что они происходят в рамках определенных правил, которые нигде в полной мере не кодифицированы и не введены, но широко распространены и используются многими по умолчанию для того, чтобы исключить серьезную угрозу со стороны отдельного участника межэлитной борьбы и межэлитного соревнования. Эти неформальные правила проистекают из способа структурирования власти, который обеспечивает всем или почти всем членам элиты участие в процессе принятия решений; таким обра-

зом, в их коллективных интересах не допустить действий, способных подорвать существующий порядок, и, таким образом, сохранить управление политической ситуацией. Несмотря на то что представители элиты и группы элит испытывают разногласия и конфликтуют друг с другом в ограниченной мере, власть распределена таким образом, что все или большинство имеют возможность влиять на принимаемые политические решения, что является достаточным для того, чтобы сдерживать их от конвертирования своего недовольства в попытки захватить государственную, в частности исполнительную, власть насильственным путем. Таким образом, политические институты остаются стабильными на протяжении долгих периодов времени.

Несовершенно единая элита отличается от элиты, единой на основе консенсуса, в том, что единство и взаимное доверие существуют только среди представителей правополитических сил и не распространяются на крупный, заметный и стоящий особняком лагерь политической элиты, объединяющий сторонников социалистических убеждений. Шаткая стабильность политических институтов происходит из демонстрируемой относительно сплоченной частью элиты, в частности правополитической элитой, способности удерживать контроль над институтами благодаря тому, что она каждый раз побеждает на выборах и получает большинство голосов. Следовательно, группа, способная наложить свое вето, формирующаяся вокруг военного командования в странах с расколотыми элитами, прекращает свое существование как таковая, и ожидания вмешательства в политику со стороны военных снижаются. Массовые беспорядки и волнения остаются достаточно распространенным явлением, но возможность того, что время от времени могут происходить перевороты, сопровождающиеся захватом государственной власти, становится все менее и менее вероятной. Недовольные левые (или, возможно, радикаль-

но настроенные правые) элиты выражают свою неудовлетворенность, провоцируют общественные беспорядки, но, руководствуясь соображениями целесообразности и, возможно, приверженностью демократическим принципам, они не нападают открыто на институты, которые пользуются поддержкой большинства избирателей на периодически проводимых выборах.

Вероятность того, что несовершенно единая элита может эволюционировать в элиту, единую на основе консенсуса, существует, но не обязательно найдет свое воплощение на практике. На протяжении 1970-х годов такую эволюцию можно было наблюдать во Франции и в Японии. В 1980-х годах стало очевидно, что элиты, единые на основе консенсуса, сформировались в обеих странах, и политические институты этих стран впервые в их истории приобрели стабильность.

Границы демократии

Как было сказано в начале работы, даже если исследователь в области политической теории является сторонником демократических ценностей, он или она не обязан(а) верить в то, что демократия может быть установлена в большинстве стран мира и практически при любых условиях. Основания этого утверждения теперь должны быть очевидными. Насколько значимы демократические институты и практики, зависит от того, какой из четырех типов элит существует в обществе. Ни один из типов элит не совместим с абсолютным демократическим идеалом, и только два типа в достаточной мере совместимы с демократической политикой, служащей практическим воплощением этого идеала, в частности, в настоящее время в западных странах и некоторых других государствах. Хуже того, ни один из четырех типов элит не обуславливает *в обязательном порядке* возникновение даже этой ограниченной формы демократии. Важно принимать во внимание эти границы демократии.

Основной чертой самой типичной формы политики, в рамках которой элиты расколоты, является институциональная нестабильность. В то время как институты, управляемые некоторой частью расколотов элиты, могут иногда иметь демократический фасад, вряд ли имеет смысл стремиться к развитию этих институтов или стараться их охранить, поскольку они, скорее всего, не выдержат серьезный политический кризис. Обычно любой значительный рост политической напряженности, определенная степень которой присуща любой политической системе, ведет независимо от того, сопровождается он военным переворотом или нет, к появлению более авторитарного и репрессивного политического режима. Несмотря на то что такой политический режим может в конечном счете стать более мягким или ему на смену может даже прийти более демократический и либеральный режим с молчаливого одобрения элитной группы, обладающей правом вето и связанной с военными кругами, это улучшение, скорее всего, носит лишь временный характер, до появления более или менее репрессивных политических режимов. История убедительно свидетельствует о том, что расколотые элиты и создаваемые ими нестабильные институты выживают несмотря на многие изменения, и существование любого политического режима в действительности возможно только потому, что это допускается теми, кто контролируют армию и полицию.

Из четырех типов элит элита, единая на основе консенсуса, безусловно, наиболее отвечает критериям, необходимым для установления демократии. Тем не менее, режим, управляемый этим типом элиты, не обязательно должен быть совершенно и полностью демократическим. Он может основываться, как это и было в большинстве исторических случаев, на чрезвычайном ограничении избирательных прав. Даже временная диктатура или долгое правление властного

или даже деспотического лидера могут длиться до тех пор, пока представители элиты доверяют друг другу и готовы к совместным действиям для смещения диктатора или просто властного правителя, если он или она станет в значительной мере нетрудоспособным(ой) или некомпетентным(ой). По существу, практическая демократия зависит от способности элиты, единой на основе консенсуса, поддерживать политическую напряженность на невысоком уровне. В обществах, где существует такая элита, проблема, с которой сталкиваются люди, глубоко приверженные идеалам демократии, заключается в том, какую долю общественного внимания они должны постараться привлечь к вопросам, которые они считают правильными с моральной точки зрения, но которые также являются потенциально взрывоопасными. Индивиды, придающие такого рода нравственным вопросам исключительное значение, склонны считать, что члены элиты, единой на основе консенсуса, искажают, частично подавляют или просто спутывают проблемы, если они полагают это необходимым для поддержания институциональной стабильности. Вопросы, оказавшиеся на повестке дня в результате оценки их с нравственных позиций, станут предметом «благотворного невмешательства», если элиты придут к выводу, что эти вопросы достигли того предельного уровня артикуляции и антагонизма, преодоление которого приведет к угрозе политической стабильности.

Должны ли те, кто не могут быть услышанными, чего, по их мнению, заслуживают те моральные основания, которые ими движут, молча согласиться с такими действиями элит? Если верно то, что элиты, единые на основе консенсуса, обычно способны полностью сгладить политическую напряженность, то этот вопрос не имеет смысла. Тем не менее предположим, что элиты не способны сделать этого, столкнувшись с ожесточенными требованиями и серьезными массовыми выступлениями. В соответствии с приня-

той теорией это приведет к расколу элиты и, по всей вероятности, станет причиной формирования расколотой элиты, типичным последствием чего является установление прямого или опосредованного военного правления и подавление инакомыслия. Было бы правильным решением со стороны непреклонных демократов способствовать такому исходу ситуации, руководствуясь нравственными основаниями? Ответ очевиден.

Существующая теория в целом утверждает, что зрелый и искушенный сторонник демократии должен всегда поддерживать политический порядок, который достаточно далек от идеала. Элита, единая на основе консенсуса, или элита, приближающаяся к этому условию, необходима для установления демократического правления. Только такая элита сможет эффективно справиться с решением проблем, чье публичное обсуждение в безапелляционной форме приведет к тяжелейшему внутреннему конфликту. Там, где элита справляется с этой задачей на протяжении многих лет, возможно, но это не является неизбежным, создание представительных институтов, работа которых определяется в достаточной мере соревновательными и влиятельными выборами. Но там, где фракции внутри элиты откровенно и открыто выражают свои взгляды на вступающие в конфликт интересы не-элит, значительное число представителей как элиты, так и не-элиты в какой-то момент перестанут пользоваться политической свободой, либо политическая система не сможет выжить. Иными словами, необходимо признать ошибочным модную, но бессмысленную точку зрения, что наиболее желаемой политической системой является та, в рамках которой открыто представлены и убедительно выражены на уровне элит разнообразные интересы населения. Предоставление «настоящего выбора, а не его отголоска» в демократической политической системе всегда угрожает ослабить элиту, единую на основе консенсуса, и сопутствующую ей по-

литическую стабильность. Человек, признающий это, не может, по существу, чувствовать, что он обязан следовать демократическому идеалу при любых обстоятельствах и любой ценой.

Границы революции

Не существует общепризнанного определения революции, которое отражало бы и использовалось применительно к четко описанному политическому событию или процессу. Иногда этот термин применяется для обозначения практически любого спорадического и насильственного захвата власти, таким образом, включая многие государственные перевороты и восстания, носящие единичный характер, которые происходят в обществах, чьи элиты расколоты. Термин «революция» также часто используется применительно к гражданским войнам и войнам за национальное освобождение, в основе которых лежат династические, этнические, региональные или религиозные размежевания. Такая терминологическая расплывчатость приводит к тому, что решение называть или не называть тот или иной режим, движение или вооруженный конфликт «революционным» становится результатом субъективного суждения, суждения, которое, безусловно, часто выносится уже после того, как событие произошло, как это случилось с так называемой Кубинской революцией, приведшей к власти Фиделя Кастро.

Однако существует определенный тип политического переворота, который по своим характеристикам объективно отличается от типичного государственного переворота, гражданской войны, территориального отделения сепаратистских территорий и народного восстания. Такой переворот начинается, когда нормальный, исправно функционирующий политический режим, и это находит свое отражение, прежде всего, в существовании дисциплинированной армии и полиции, неожиданно и полностью рушится.

На протяжении последующего более или менее длительного или, наоборот, короткого периода времени поддержание порядка, несмотря на восстание и мародерство, до тех пор, пока власть правительства, а также армии и полиции не будет восстановлена либо заново установлена победившей политической группировкой, становится чрезвычайно сложной задачей. Нельзя сказать, что на протяжении этого периода существует политическая элита, принадлежащая к тому или иному типу. Власть, как любят заявлять радикалы, принадлежит «населению» или, говоря точнее, тем конкретным людям, которые довольно спонтанно собираются, обычно вооруженные, и реагируют на откровенные пропаганду и ораторство массовыми акциями. Такие скопления людей обычно включают множество членов рядового состава воинских частей, которые либо расправились с офицерским составом, либо просто отказываются выполнять офицерские приказы.

Переворот этого типа выдвигает в ряды элиты совершенно отличную от своих предшественников группу людей и коренным образом изменяет политические и особенно экономические институты. Однако прежде чем становится очевиден масштаб произошедших изменений, предпринимаемые кем бы то ни было попытки восстановить или создать подобие организованной власти в той области, на которую государственная власть больше не распространяется, встречают противодействие со стороны той области, где она продолжает существовать. Для того чтобы справиться с этим сопротивлением, новые политические лидеры и государственные руководители должны в короткие сроки добиться определенной степени бюрократической централизации и навести порядок и дисциплину среди действующих военных и полицейских соединений. Раньше или позже группы населения, которые держатся впереди, будут взяты под контроль и подавлены. Когда это произойдет, то можно вновь говорить

о том, что политическая система управляется одним из четырех типов элит.

Если ради концептуального порядка и терминологического соответствия употреблять термин «революция» исключительно применительно к перевороту, включающему крах политической системы и последующий период, когда власть, способная осуществлять меры принуждения, принадлежит более или менее спонтанно организующимся группам населения, то революция, безусловно, окажется редким и маловероятным событием в общественной истории. Революция в этом смысле слова может, вероятно, произойти только в обществах, находящихся на низком уровне социально-экономического развития, — это в значительной мере аграрные или крестьянские общества. В более бюрократизированных обществах, стоящих на более высоком уровне развития, широкомасштабный коллапс государственной власти, а также армии и полиции представляется в настоящее время еще менее вероятным, нежели тогда, когда поборники революции рассчитывали, большей частью ошибочно, что массы рядовых граждан, «встав под ружье», установят правительственную власть после трудностей и поражений, с которыми им пришлось столкнуться в ходе участия в полномасштабном военном конфликте. Более того, новые достижения в сфере военных технологий, прежде всего создание ядерного оружия, позволяют сделать вывод о том, что ведение военных действий массовыми армиями стало теперь частью истории.

Вероятны ли они по-прежнему или уже нет, ведут ли революции в современном понимании этого термина к политическим улучшениям? Если отправной точкой является критерий демократичности и либерализма, то ответ — однозначное Нет. В результате того что они оказываются причиной глубокой вражды и политических «шрамов», революции никогда не приводят к формированию элиты, единой на основе консенсуса,

но либо расколотой, либо идеологически единой элиты, но ни одна из них не способствует установлению проверенных демократических практик. Несмотря на то что можно многое услышать от людей, оскорбленных и возмущенных тем, что они считают фундаментальными моральными дефектами современных политических режимов, не в последнюю очередь западных демократий, глубокие «революционные» изменения, которых требуют эти люди, находятся далеко за границами политики и являются не более чем беспочвенными мечтаниями, которые с демократической и либеральной точки зрения являются в высшей мере неблагоприятными.

Не-элиты

Каким образом не-элиты должны быть теоретически связаны с элитами и с политическими изменениями и стабильностью? Основополагающее утверждение заключается в том, что поскольку общества постоянно развиваются с социально-экономической точки зрения, то характер занятости рабочей силы также меняется, и это накладывает ограничения на поведение элиты. Элиты ограничены тем, какого типа рабочая сила преобладает в обществе на данном этапе его развития, а какие типы формируют меньшинство, поскольку это определяет идеологию, к которой элиты могут прибегнуть для того, чтобы заручиться поддержкой со стороны не-элит и защитить свои положение и статус.

По своей сути социально-экономическое развитие означает в том числе превращение рабочей силы, практически все представители которой ориентированы на материальное окружение, как это бывает в аграрных или крестьянских обществах, в рабочую силу, значительная часть которой ориентирована на социальное окружение: вначале — это индустриальное общество, где существует большое число как промышленных рабочих, занятых ручным трудом, так и «белых воротничков»,

затем — постиндустриальное, где число промышленных рабочих гораздо меньше, но резко возрастает число «белых воротничков» и представителей умственного труда. На основании правдоподобного предположения, что представления человека о политической власти в наибольшей степени отражают ту роль, которую власть играет в его работе, этот паттерн различий в характере занятости и труда, сопряженных с социально-экономическим развитием общества, определяет конфигурацию сторонников различных политических взглядов среди не-элиты.

Можно выделить два основных взгляда на политическую власть, связанных с теми видами труда, о которых было сказано ранее и которые являются основой для политического поведения не-элиты и присоединения к сторонникам тех или иных политических позиций. Первый — *статусное отношение к власти*. Оно свойственно рабочим, которые либо считают, что для ежедневного выполнения своей работы они не нуждаются во власти, либо полагают, что в отношениях властвующий — подвластный они всегда принадлежат ко второй группе. Иными словами, статусное отношение отражает роль власти в автономном и также ручном промышленном труде. Занятые таким трудом рабочие рассматривают и оценивают власть с точки зрения наличия у человека, обладающего властью, личного права поступать таким образом, как он/она поступает в действительности. Они задаются вопросом, имеет ли человек, обладающий властью, социальный статус, который легитимизирует его или ее использование власти, и видят в использовании власти способ утвердить этот социальный статус. Например, крестьянин — издольщик или арендующий землю на каких-либо иных условиях понимает, но не обязательно соглашается с тем, что землевладелец стремится сохранить доходы, получаемые им от работы крестьянина на его земле, в виде части урожая или иным образом, в качестве функции своего землевладель-

ческого статуса. Точно так же занятый ручным трудом промышленный рабочий на сборочном конвейере часто спрашивает, оправдывает ли наличие статуса контролера или руководителя то, что его обладатели заставляют рабочих выполнять тяжелую монотонную работу и терпеть унижения.

Внимание людей, разделяющих такое отношение к власти на рабочем месте, неизбежно приковано к более широкому статусному порядку, существующему в обществе, и к различным точкам зрения относительно его легитимности. Политические пристрастия не-элит формируются вокруг этих точек зрения. Если статусное отношение доминирует среди не-элит, элиты, для получения поддержки со стороны не-элит, должны выработать и использовать идеологию, в основе которых лежат вопросы статуса. Санционируют ли эти идеологии существующий статусный порядок, способствуют ли его значительной модификации или требуют его полного уничтожения, с аналитической точки зрения совершенно неважно. Важно то, что пока существует большое число представителей не-элиты, придерживающихся статусного отношения к власти, в основе политических предпочтений и расстановки политических сил лежит стремление уничтожить или сохранить существующий статусный порядок. Иными словами, можно сказать, что, когда общество находится на более низком уровне социально-экономического развития, и рабочая сила преимущественно состоит из занятых автономным и ручным трудом промышленных рабочих, политика пронизана статусными и классовыми идентичностями и конфликтами, до тех пор, пока они не вступают в противоречие с этническими, региональными или религиозными размежеваниями.

Второй тип отношения к власти — *административное отношение*. Оно свойственно т.н. белым воротничкам, т.е. административным и офисным работникам

и людям, занятым умственным трудом, которые видят в осуществлении властных полномочий важное и необходимое средство для постоянного и эффективного осуществления своих рабочих задач. Как было сказано ранее, это работающее население включено в имеющие высокую степень организации бюрократические структуры, которые зависят от принятия взаимозависимых решений, либо они вовлечены в прямое манипулирование и являются объектом манипулирования, поведением социально отдаленных клиентов и потребителей, которым они предоставляют личные услуги. Принимая во внимание, что бюрократические задачи и задачи по предоставлению услуг не могут быть реализованы без повсеместного, но осмотрительного и целенаправленного использования власти, это работающее население гораздо менее склонно расценивать специфические властные действия с точки зрения «права» тех, кто обладают властью, действовать соответствующим образом. Для них вопрос заключается не в том, соответствуют ли действия какого-либо лица его или ее личному статусу, но служит ли использование власти целям и задачам организации или отправления услуг.

Работники, разделяющие административное отношение к власти, не обращают внимания на легитимность статусного порядка, существующего в обществе. Такие работники полагают, что в любых рабочих условиях, сходных с их собственными, различные люди обладают различной полнотой власти, и по-другому в сложно организованных предприятиях и в социальных контекстах, в которых предоставляются безличные услуги, не может быть. Идеологически обоснованное утверждение, что только определенные типы индивидов, одаренные особыми личностными качествами и имеющие особые социальные черты, должны обладать максимальной долей власти, практически или совсем лишено смысла для «белых воротничков». Вместо этого они считают, что

власть должна быть распределена дифференцированно, и обладание ею конкретными людьми обусловлено случайным образом — менеджеры и контролеры, которых они любят или не любят, сменяют друг друга, и на место одних приходят другие. В этом отношении административное отношение к власти по своей сути несовместимо с идеологическими нападками или стремлением сохранить статусный порядок, существующий в обществе, поскольку люди, разделяющие такой взгляд на власть, не признают любое фиксированное статусом «право» обладать и применять власть или любое «верное» распределение власти и статуса в обществе.

На протяжении долгих периодов социально-экономического развития занятые автономным и ручным трудом промышленные рабочие составляют большинство. Соответственно политические позиции не-элит формируются в соответствии с представлениями о классовых различиях вдоль раскола на правых и левых. В частности, занятые ручным трудом промышленные рабочие обычно очень враждебно относятся к применению власти, и в обществе, в частности индустриальном, где их численность велика, заметно популярна бескомпромиссная эгалитаристская точка зрения, отрицающая легитимность существующего статусного порядка и требующая его уничтожения. За исключением этнических, региональных или религиозных идентичностей, которые искажают их взгляды, рабочие, занимающиеся сельским хозяйством и другим автономным трудом, также враждебно относятся к существующему статусному порядку, особенно в обществах, являющихся в значительной мере аграрными, в которых социальную верхушку формируют представители какого-либо привилегированного класса, например неработающая страта. Однако индустриализация ведет к сокращению числа занятых автономным трудом работников, так что уровень благосостояния тех, кто продолжает заниматься сельским хозяйством или ремесленни-

чеством и мелким производством, повышается. Поредевшие ряды фермеров и ремесленников менее однозначно оценивают легитимность существующего статусного порядка. С одной стороны, они выступают сторонниками осуществления жесткого контроля над занятыми ручным трудом промышленными рабочими, разделяющими эгалитаристские убеждения, поскольку их стремление уравнивать всех членов общества угрожает той небольшой собственности и скромному уровню благосостояния и независимости, которыми теперь обладают сократившиеся в численности фермеры и мелкие ремесленные производители. С другой стороны, эти фермеры и ремесленники негодуют по поводу жесткого контроля над их собственной рабочей деятельностью и задают вопрос, каким образом его осуществление определено статусом.

Важно, чтобы этот абстрактный анализ стал более политическим в узком понимании. На более низких уровнях социально-экономического развития общества левые взгляды или точка зрения, сторонники которой выступают в пользу всеобщего уравнивания, потенциально преобладают среди не-элит. В чрезвычайных политических обстоятельствах это может привести к революционному свержению правительства и уничтожению военной дисциплины, сопровождающимся последующим хаосом и попытками ограничить возможности тех, кто прежде обладал властью и привилегиями. Такие уравнивательные революции возможны *только* на ранней стадии социально-экономического развития, но они чрезвычайно редки. Гораздо более распространена на этой стадии развития ситуация, когда массы крестьян и ремесленников не слишком злят посягательства со стороны представителей имущего и привилегированного высшего класса, и их фундаментальные левые и эгалитаристские политические предпочтения имеют в целом пассивный характер. Но политика становится бо-

лее взрывоопасной, когда общество переходит на индустриальную стадию развития. На этом этапе занятые ручным трудом бесчисленные промышленные рабочие последовательно придерживаются эгалитаристских убеждений и враждебно относятся к существующему статусному порядку. Столь же бесчисленные «белые воротнички» готовы согласиться с необходимостью в дифференцированном статусном порядке, даже если они не согласны со всеми его деталями. Сократившиеся в численности и теперь более или менее сравнимые занятые автономным трудом рабочие неоднозначно относятся к легитимности существующего статусного порядка. Возникает потенциальная вероятность, при появлении чрезвычайных политических обстоятельств, анти-эгалитаристского и, возможно, «фашистского» восстания, направленного на уничтожение сил, обещающих привести общество к всеобщему равенству. Однако чаще большая численность и политическое влияние незанятых ручным трудом «белых воротничков», возможно, неявно поддержанных занимающими неоднозначные позиции и резко поредевшими в численности занятыми автономным трудом рабочими, оказываются достаточными, чтобы удержать занятых ручным трудом промышленных рабочих, готовых к эгалитаристским по своей сути действиям, от захвата государственной власти. При проведении выборов сторонники таких убеждений и действий оказываются в проигрыше. В конечном счете, о чем будет более подробно сказано в конце работы, рост числа «белых воротничков», не занятых ручным трудом на постиндустриальной стадии социально-экономического развития, исключает вероятность глубоких политических изменений, которые потенциально возможны на более ранних стадиях развития общества.

Необходимо сделать две оговорки. Во-первых, необходимо соблюдать определенный порядок и принципы при изу-

чении и концептуализации изменений характера занятости населения и различных композиций типов рабочей силы, однако необходимость экономить место в статье не позволяет изложить здесь эти подходы (см. Филд, 1967, 37-38). Во-вторых, приведенный в этой работе анализ основывается на том, каким образом происходило политическое развитие в странах Европы, англо-американских обществах и Японии по мере их перехода от одной стадии социально-экономического развития к другой. На примере обществ, где социально-экономическое развитие происходило или по-прежнему происходит более медленно, в основном в странах Латинской Америки и в Азии, за исключением Японии, но также в ряде в основном малых стран, обладающих большими запасами нефти, стало очевидно, что современные производственные и коммуникационные технологии очень ускоряют превращение рабочей силы из включающей преимущественно занятых автономным трудом рабочих в формирующуюся в основном из незанятых ручным трудом «белых воротничков». В таких обстоятельствах, обусловленных происходящими ускоренными темпами изменениями и постоянными технологическими инновациями, численность занятых ручным трудом промышленных рабочих в одночасье падает, и, возможно, в связи с их меньшей численностью и стоящими перед ними более сложными рабочими задачами они (рабочие) занимают менее бескомпромиссные и враждебные позиции по отношению к существующим статусным порядкам. Основная политическая проблема в обществах, поздно вставших на путь социально-экономического развития, может соответственно состоять не столько в композиции типов рабочей силы, чей характер быстро меняется, сколько в способности этой рабочей силы абсорбировать резко возросшее не-элитное население — проблема, к которой необходимо будет вернуться в конце работы.

Взаимодействия элит и не-элит

Как было сказано в начале работы, предиктивные притязания общей теории политики должны иметь очень ограниченный характер, поскольку влиятельные политические акторы, элиты, часто способны совершить глубокие политические изменения без участия не-элит. Сделают ли они это, невозможно заключить на основании легко поддающихся количественному определению характеристик населения — не-элиты. Например, ни формирование, ни продолжительность существования идеологически единой элиты или элиты, единой на основе консенсуса, не зависят от не-элитных конфигураций. Предсказать возможность того, что та или иная единая элита создаст стабильные политические институты, возможно только на основании знания недавней истории развития элит. Отражает ли эта история длинную и дорого обошедшуюся, но, по существу, безрезультативную войну между фракциями расколотой элиты, которые впоследствии могут оказаться готовы заключить основополагающее соглашение по спорным для них вопросам? Пережили ли элиты в недавнее время столь тяжелое поражение, что это может неожиданно открыть перед хорошо организованной, но прежде находившейся на периферии политической жизни группой возможность захватить и консолидировать власть в революционной ситуации? Общая теория должна оставить некоторый лаг для таких возможностей, а также трансформаций элит, которые они вызывают.

Но может ли существовать «теория», где историческому событию предоставлено такое «пространство для маневра»? Разногласие заключается в том, что общая теория политики возможна *только* в том случае, если согласиться с этим ограничением. Это значит, что общая теория должна в основном касаться не того, что произойдет, или того, что может произойти, — и то, и другое, по существу, неизвестно, — но того, что *не* произойдет или то-

го, что *маловероятно*. В области политики эти знания не являются незначительными, и это, вероятно, большее, на что можно рассчитывать. Следующие утверждения о взаимодействии элит и не-элит могут иметь динамическую взаимосвязь для того, чтобы сделать возможными точные и существенные прогнозы тех политических событий, которые *не* произойдут или, по крайней мере, маловероятно, что они произойдут в данном обществе и в данное время.

Конфигурации не-элит, включающие две составляющие: отличительная композиция типов рабочей силы и сопутствующие сочетания различных отношений к власти — устанавливают параметры, которые ограничивают действия элит. Определенные конфигурации не-элит *предотвращают* определенные типы действий элит на различных стадиях социально-экономического развития обществ, но они не определяют, каковы будут действия элит на этих стадиях развития. На ранней стадии социально-экономического развития, например, конфигурация не-элиты такова, что она состоит в основном из занятых автономным трудом рабочих и небольшого числа промышленных рабочих, которые представляют собой только зарождающийся класс занятых ручным трудом промышленных рабочих. Все эти рабочие склонны враждебно относиться к использованию элитами власти, а нищета, в которой они живут, не вызывает у их страха перед уничтожением существующего статусного порядка в пользу всеобщего равенства. Это заставляет элиты, обращаясь к не-элитам за поддержкой, облекать это в форму религиозных и других традиционных убеждений и в форму левой, до определенной степени, и более или менее эгалитаристской идеологии. Если элиты действуют очень неумело или им не везет, то тогда политический режим может пасть, что спровоцирует эгалитаристскую социалистическую революцию, хотя можно рассчитывать на восстановление доминирования элиты в той или иной

форме после короткого промежутка времени.

На индустриальной стадии развития численность занятых автономным трудом рабочих, промышленных рабочих, занятых ручным трудом, и не занятых ручным трудом «белых воротничков» приблизительно одинакова. Несмотря на то что фермеры и ремесленники продолжают враждебно относиться к использованию элитами власти, тот факт, что многие из них живут в скромном достатке и владеют небольшой собственностью и малыми предприятиями, означает, что занятые автономным трудом рабочие в качестве сплоченной социальной группы более не восприимчивы и могут даже сопротивляться эгалитаристским уравнильным взглядам, разделяемым большим числом промышленных рабочих, занятых ручным трудом. Если правые политические элиты смогут должным образом мобилизовать занятых автономным трудом рабочих, многие из них солидаризуются с многочисленными «белыми воротничками», которые еще больше страшатся эгалитаристских уравнильных идей, готовые поддержать авторитарные и даже фашистские перевороты, целью которых является сохранение и расширение существующего статусного порядка и беспощадное подавление всех социалистических движений. Если в индустриальном обществе движение в сторону авторитарного или фашистского правления возможно, то что *невозможно*, так это то, что исключено конфигурацией не-элиты, а именно, успешная эгалитаристская революция. Вопреки предсказанию Маркса такие революции никогда не происходили в обществах с такой конфигурацией не-элиты.

Конфигурация не-элиты в промышленных обществах также исключает возможность неожиданного и намеренного урегулирования основных разногласий между различными фракциями, из которых состоят расколотые элиты. Относительная сложность индус-

триальных обществ превращает элиты в большую социальную страту, больше социально не изолированную от не-элит. Представители элиты многочисленны, и многие из них, впервые испытав потребность и готовые поддержать те или иные социально-политические взгляды, отдают предпочтение интересам массовых организаций и движений, которые они возглавляют. Маловероятно, что они станут вести закулисные переговоры, чтобы согласовать точки зрения и расстановку сил по принципиальным вопросам, при том что различные элитные фракции последовательно отстаивают влияние собственных точек зрения благодаря тому, что обращаются за поддержкой к не-элитам, а затем постараются добиться одобрения таких компромиссов. Более вероятно формирование совершенно единой элиты, правоцентристские фракции которой смогут мобилизовать надежное большинство избирателей, готовых отстаивать существующий статусный порядок или его близкое подобие. Но это зависит от тех решений, которые элиты могут принять или не принять.

Следующее и основное утверждение состоит в том, что, однажды сформировавшись и придя к власти, элита, единая на основе консенсуса, уверенно пролонгирует собственное существование независимо от конфигураций не-элиты. Иными словами, элита, единая на основе согласия, более весома, чем не-элита.

Элиты и не-элиты в постиндустриальном обществе

На постиндустриальной стадии развития численность «белых воротничков» настолько возрастает, что они являются членами практически каждой «нуклеарной» семьи. Благодаря этому, а также получению ими образования, приобретению коммуникационных навыков и престижу профессии свойственное им административное отношение к власти получает широкое распространение в обществе, так

что статусное отношение к власти значительно сократившегося числа занятых автономным трудом рабочих и промышленных рабочих, занятых ручным трудом, становится едва заметным.

Вопрос заключается в том, каким образом элиты и не-элиты влияют друг на друга в постиндустриальном обществе. Первоначально постиндустриальные условия, по-видимому, способствуют укреплению политической стабильности, обеспеченной элитами, едиными на основе консенсуса. Это объясняется тем, что численное преобладание «белых воротничков» приводит к размыванию классовых границ и ослабляет традиционную поддержку тех или иных политических сил среди не-элиты. Следовательно, необходимость прибегать к политическим идеологиям, таким как социализм и либерализм, как элиты поступали раньше, для того чтобы оправдать свой статус, политические взгляды и управленческие действия, теперь заметно снижается. Политический дискурс элит смещается к обсуждению таких тем, как обеспечение материального благополучия и развитие государства всеобщего благосостояния, в чем видят способ справиться с существующими на протяжении всей истории человечества недовольствами и проблемами. Наблюдатели охотно говорят о «конце идеологии», тезисе, который, вероятно, лучше всего рассматривать в роли рационализатора оптимистичных взглядов на постиндустриальную эпоху, особенно как она видится с выгодных позиций, занимаемых элитами и суб-элитами. При высоком уровне производительности и практически несуществующей безработице, отсутствии серьезных экономических кризисов, резко сократившемся рабочем классе, жизненные стандарты представителей которого быстро приближаются к стандартам среднего класса, и отсутствии каких-либо иных крупных и очевидно недовольных групп населения среди не-элит возникает значительная гармония. Элиты придерживаются куда

более ярко выраженного административного подхода и выражают самодовольное убеждение, что одно только «справедливое» отношение к отдельным людям и группам будет способствовать бесконечному продолжению социального прогресса и поддержанию социального спокойствия.

В 1970-е годы еще не было возможности убедиться, какими будут первые результаты наступления постиндустриализма в обществах, где существовали идеологически единые, несовершенно единые и, вдобавок, расколотые элиты. Переход к постиндустриальной стадии развития мог привести к тому, что идеологически единая элита превратилась бы в элиту, единую на основе консенсуса, в результате размывания различий между не-элитами и очевидного устаревания официальной идеологии элиты. Но, учитывая также и то, что элита, единая на основе консенсуса, не обязательно способствует установлению демократической системы, эта трансформация идеологически единой элиты, вероятно, не привела бы к созданию демократического режима западного образца. На протяжении значительного периода времени общество просто проявляло бы толерантность по отношению к соревнующимся элитным фракциям. К началу 1970-х годов существовала реальная вероятность того, что несовершенно единые элиты превратятся в элиты, единые на основе консенсуса, после достижения в полной мере постиндустриальной стадии развития, поскольку бескомпромиссные политические позиции, левого или крайне правого толка, разделяемые диссидентскими фракциями элит, постепенно утратили бы поддержку среди не-элиты. Однако не было основания предполагать, что в обществах, которые достигли постиндустриальной стадии развития, когда их элиты были расколоты (такowymi оказались лишь несколько обществ, большинство из которых — небольшие автократии с крупными запасами нефти), эти элиты неожиданного

превратятся в элиты, единые на основе консенсуса.

Есть ли основания считать, что в обществах, где уже существуют или могут в скором времени сформироваться элиты, единые на основе консенсуса, эти элиты являются неизменным признаком постиндустриальных обществ? Есть некоторые основания в этом сомневаться. Со временем более высокий уровень гармонии среди не-элит и степень самовольства элит, а таковы первые результаты достижения постиндустриальной стадии развития, начинают снижаться. Ухудшение социальных условий становится очевидным в городах; бедность, с которой, кажется, невозможно справиться, распространяется в городских трущобах и сельском захолустье; в поведении многих молодых людей, происходящих из привилегированных семей, становятся очевидными значительное отчуждение и недовольство. Эти явления позволяют предположить, что развитие постиндустриального общества с политической точки зрения окажется в дальнейшем более сложным. Почему?

Постиндустриальная конфигурация не-элиты является во многих отношениях конечной точкой социально-экономического развития. Это завершающая стадия эволюции характера занятости рабочей силы, от преимущественно занятых автономным трудом рабочих на первоначальной стадии развития до не занимающихся ручным и неквалифицированным трудом «белых воротничков». Маловероятно, что вслед за постиндустриальной стадией наступит следующая стадия социально-экономического развития, если рассматривать ее с точки зрения появления новых основных видов труда и соответственно нового типа занятости. Если постиндустриальная рабочая сила с этой точки зрения является концом социально-экономического развития, необходимо задать вопрос, смогут ли общества, достигшие соответствующей стадии, оставаться жизнеспособными с политичес-

кой точки зрения, не чувствуя прогресса и не испытывая надежды, что всегда было порождением исторического развития. Проще говоря, могут ли постиндустриальные общества бесконечно «стагнировать» с точки зрения характера рабочей силы, не став ареной крупных политических восстаний?

Возможно, элиты, единые на основе консенсуса, тем или иным образом найдут способы сделать по существу стагнирующее, нежели эволюционирующее состояние рабочей силы приемлемым для большинства не-элит. Элиты могут оказаться достаточно изобретательными для того, чтобы разрешить противоречия, по своей сути требующие сугубо интеллектуального осмысления и являющиеся следствием данного аспекта постиндустриального развития. Но препятствием для решения этих противоречий служит возросшая эмпатия между элитами и не-элитами. Преобладание «белых воротничков» ведет к смещению прежде отдельных социальных страт. Люди входят в состав элиты, проходя из не-элиты, чаще и проще, чем это происходит в более жестко стратифицированных обществах на более ранних стадиях развития. В результате немалое число представителей элиты считают себя «одним из них» применительно к не-элитам, среди которых у них часто есть близкие личные товарищи и к которым они испытывают значительную эмпатию. Эти близкие и эмпатические связи с не-элитами помогают добиться того, что представители элиты способны предложить лучшие меры, которые хотя бы частично удовлетворяют требования и желания не-элиты. Но что может произойти, если умиротворить не-элиты окажется невозможным? По-видимому, элитам будет гораздо сложнее предпринять действия и принять меры, от обмана до препятствования не-элитам, вплоть до прямых репрессий, которые вызовут гораздо больше недовольства. Можно только предполагать, что элиты, единые на основе консенсуса, сумеют справиться с политически-

ми сложностями, вызванными возросшей эмпатией элит к не-элитам в постиндустриальных обществах, благодаря тому что природа этих сложностей достаточно очевидна и понятна. Несмотря на свое прошлое, которое может быть каким угодно, и свои разнообразные связи с не-элитами, элиты могут проявить значительное коллективное самосознание в отношении своих особых обязанностей и своего положения.

Но невозможно придерживаться столь же оптимистической точки зрения на другую, еще большую сложность, с которой сталкиваются элиты в постиндустриальном обществе. На всех более ранних стадиях социально-экономического развития целью политического действия в целом не было поддержание большинства людей постоянно вовлеченными в выполнение необходимой работы. В основном наличия определенных, давно усвоенных взглядов и привычного социального контроля, обеспечиваемого соседями и коллегами по работе, было достаточно. Однако в постиндустриальном обществе такой тесный социальный контроль, наравне с большинством религиозных и других традиционных систем верований, слабеет или исчезает. Более того, на более ранних стадиях социально-экономического развития большинство людей неустанно работали для того, чтобы предотвратить возможные ужасные жизненные ситуации — увольнение, выселение из дома, лишение собственности, голод и т.д. Значительная часть людей работала не прекращая, поскольку они не без основания могли верить, что, поступая таким образом, их немалые личные амбиции могут быть реализованы. В этих ранних обществах только небольшое число пользующихся специальными преимуществами людей — в основном отпрыски или друзья богатых и влиятельных людей — не имело мотивации постоянно работать, и они были склонны праздно проводить время, потакая своим желаниям и по возможности своим эстетическим потребностям.

Нетрудно заметить, что число людей, не имеющих мотивацию постоянно работать, заметно возрастает в постиндустриальном обществе, когда люди живут в материальном достатке, а элиты, благодаря сопереживанию и эмпатии, потокают неэлитам. Бессмысленно игнорировать этот факт, утверждая, что благодаря современным технологиям потребность в человеческом труде резко снизилась. Ни в одном обществе ответственную работу не готовы дробить на множество мелких участков. Некоторые задачи по-прежнему должны — и, вероятно, всегда должны — выполняться с особой тщательностью, старанием и предусмотрительностью, а те, кто их выполняют, не позволят большому числу совершенно бесполезных людей, какую бы декоративную роль они ни выполняли, получить значимое поощрение за то, что они в действительности бесполезны. Разделение между усердными и бесполезными сотрудниками является свидетельством нарастающего конфликта между отдельными сегментами не-элиты, хотя пока неясно, приобретет ли это противостояние размах, с которым элиты, единые на основе консенсуса, окажутся не в состоянии справиться.

Чего может достичь политика?

Теория политики, изложенная в этой работе, многим придется не по вкусу, поскольку она исключает возможность существования более идеальных целей и результатов, о которых постоянно говорят в интеллектуальной среде и в СМИ и в отношении которых ученые — представители социальных наук в современных западных обществах делают некие расплывчатые прогнозы. В рамках данной теории нет места для идеализированных представлений о демократии или социальной революции, равно как и для распространения новых ценностей, которые располагают человеческие существа к последовательному и полному альтруизму. Человеческие конфликты неизбежно ослабляют социальное единство и созда-

ют политические проблемы, с которыми элиты должны постараться справиться, приложив все свои силы. Если в конечном счете политика определяется как усилия по поддержанию некоего практически достижимого уровня социального мира путем непрерывного и весьма искусного улаживания конфликтов, которые постоянно возникают в обществах, то в таком случае политика никогда не станет настолько эффективной, чтобы уничтожить необходимость в самой себе.

Какой смысл участвовать в политике, которая никогда не закончится? На этот вопрос можно ответить, только исходя из ситуации, сложившейся в жизни отдельного человека. Человек, являющийся эффективным членом той или иной элиты, не имеет выбора, поскольку его или ее жизнь неразрывно связана с политикой. Чтобы ни сделал какой-либо представитель элиты, это оказывает некоторый эффект на только зарождающиеся или уже существующие в обществе конфликты путем перераспределения чего-то, что имеет ценность в соответствующем обществе, между конфликтующими группами и способствуя или, наоборот, препятствуя различным группам оказывать давление для того, чтобы добиться уступок. Член элиты редко серьезно спрашивает себя, имеет ли политическое действие смысл, поскольку он или она знает, что некоторые вещи в мире меняются, хотя бы очень незначительно, в результате выбора, который он или она совершает.

Участие в политической деятельности представляет большую проблему для выдвигенца из не-элиты. Такой человек может только незначительно переформировать проблемы, с которыми сталкиваются элиты. Шансы занять место в элите малы. Зачем в таком случае действовать в соответствии с требованиями политики? Этот вопрос, чаще да, нежели нет, отвечает сам за себя. Представитель не-элиты, чья профессиональная деятельность и частная жизнь приносят ему достаточное

удовлетворение, не склонен много размышлять о серьезном участии в политической деятельности. Представитель не-элиты чья жизнь в некотором отношении, находится под угрозой из-за текущих обстоятельств, или тот, кто ограничен неадекватными характеристиками той социальной группы, к которой он или она принадлежит, и отчаялся, — такой человек ищет возможность участвовать в политической деятельности. Можно ли считать удовлетворительным тот факт, что человек начинает активно заниматься политикой, поскольку это единственный способ избежать потенциальных жизненных катастроф или улучшить свою судьбу?

Если человек не испытывает тяги к занятию политикой или он не получает личного удовлетворения от занятия политической деятельностью, то бессмысленно участвовать в политике, исходя только из чувства долга. Это объясняется тем, что внимание к политическим вопросам не может быть нормировано, как можно ограничить пожертвования на благотворительность или в пользу церкви, просто уделив политическому участию минимальную долю внимания, чего, как может показаться, требует «честное исполнение гражданского долга». Те, кто занимается политикой для удовлетворения своих глубоких потребностей и внутреннего давления, или даже те, кто занимаются ею ради забавы и удовольствия, всегда вкладывают в это безмерно много усилий и времени, которые необходимы для того, чтобы преуспеть в политике. Те политические игроки, которые руководствуются внутренней тягой к этой сфере деятельности, или даже те, кто участвует в политике ради забавы, обязательно перехитрят и добьются преимуществ у тех, кто

исполнен сознания собственного долга, но попал в политику случайно.

Тем не менее, политическая деятельность часто приносит удовлетворение людям, которым нравится сознавать, что они вносят определенный вклад в упорядоченное и гуманное общество. По крайней мере, их суждения и умения влияют на некоторые мельчайшие аспекты функционирования общества, в котором они живут. Но это предполагает существование элиты, единой на основе консенсуса, или, по крайней мере, несовершенно единой элиты, которой удалось создать и сохранить стабильные политические институты. При всех иных условиях политика — это обязательная и опасная деятельность. За поддержку проигравшей стороны конфликта нередко приходится расплачиваться собственной жизнью. Также не существует ни одного способа, видимого через призму данной теории, с помощью которого обычные граждане могли бы изменить эту жуткую, но с исторической точки зрения совершенно нормальную политическую ситуацию в пользу более безопасной и более мирной. Однако выводы, сделанные в рамках этой теории, нельзя назвать совсем безрадостными. Они совместимы с той точкой зрения, что люди, элиты или не-элиты могут действовать последовательно в соответствии с тем, что в настоящее время допускает политическая природа вещей. Хотя мы можем быть достаточно уверены, что некоторые вещи, которые мы себе представляем и которые, по крайней мере, некоторые из нас хотели бы видеть свершившимися, не произойдут, границы политики и границы, которых может достигнуть политическое действие, по-прежнему достаточно широки.